

Д. ДОС ПАССОС И Э. ХЕМИНГУЭЙ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ И СОВЕТСКОЙ РОССИИ (СССР)

© 2012 С.М. Николаева

Самарский государственный университет

Поступила в редакцию 23.03.2011

Статья посвящена влиянию первой мировой войны на творчество двух ведущих американских писателей первой половины XX века. Раскрываются их взгляды на сущность и итоги войны, на противоречивость «советского эксперимента» и на роль советского народа в борьбе с фашизмом. Ключевые слова: война, добровольцы, бойня, социализм, революция, общество, пацифизм.

Литературный мир США первой половины XX столетия оказался в самых разных аспектах затронут событиями Первой мировой войны. Особенно это касается поколения писателей, родившихся в последние десятилетия XIX-начале XX в., годы взросления которых – человеческого и творческого – пришлось на эпоху 1914-1918 гг.

Годы Первой мировой войны были временем их, впоследствии всемирно известных – от Д. Дос Пассоса и Ф.С. Фитцджеральда до Э. Хемингуэя, У. Фолкнера и Т. Вулфа – учебы, формирования взглядов, первых литературных опытов. Некоторые из них были ее участниками-добровольцами (например, Дос Пассос, Хемингуэй), затем превратившись на время в экспатриантов, кто-то стремился попасть в гущу сражений, но не успел (Фитцджеральд, Фолкнер).

В результате Первой мировой войны произошла реальная встреча цивилизаций Старого и Нового Света. Разрушение государственного изоляционизма оказало огромное влияние на интеллектуальную элиту американского общества, в том числе на многих представителей литературного мира, который кристаллизировал интеллектуальную энергию нации. Для американской литературы эта война стала тем рубежом, который знаменовал ее (литературы) последующий уникальный творческий взлет.

После Первой мировой войны на арену литературной, а затем и общественной деятельности вышла целая плеяда представителей одаренной молодежи, позволившая своим трудом вывести американскую прозу, поэзию и драму из европейской тени и занять подобающее ей достойное место. Можно согласиться с мнением острого и смелого «критика американской жизни» – Г.Л. Менкена, вскоре после войны отмечавшего, что США исторически развивались под

сильным гнетом пуританизма, без влиятельной политической и интеллектуальной «прирожденной аристократии», а также без интеллигенции как носителя духовного начала. Все это привело к укоренению тривиальных представлений и нелепого образа жизни, характерных для неразвитых в культурном отношении масс, чьи мнения преобладают в общественном сознании американцев¹.

Собственно говоря, преодоление этой своего рода культурной отсталости средствами литературы и было объективной задачей для поколения американских писателей, вышедшего из Первой мировой войны.

Хотелось бы остановиться на том, как представляли себе сущность войны, а также смысл послевоенных событий два представителя этого поколения – Джон Дос Пассос и Эрнест Хемингуэй.

Оба они были добровольцами – участниками военных действий, именно на фронте – в Северной Италии – их свела судьба, и они стали даже на какое-то время друзьями, оба были весьма чуткими ко всем изменениям общественно-политической ситуации в мире. Оба нашли свой уникальный стиль, откликнулись на эти изменения и в художественных, и в публицистических произведениях. Их имена часто соседствуют в трудах американских историков, затрагивающих эпоху первых десятилетий XX в.²

Безусловно, будущие писатели были не единственными добровольцами из США. Более того, можно сказать, что стремление попасть на европейский театр военных действий, в особенности среди образованных слоев общества США, было весьма ощутимым. В чем же были причины этого явления? Известный исследователь Г. Гачев справедливо определил дух американской цивилизации как «отрочески-опротечивый»³. И поиски приключений, столь характерное для молодежи стремление узнать нечто новое, неизведанное есть одно из главных проявлений это-

*Николаева Софья Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории.
E-mail: zarhistory@ssu.samara.ru*

го духа. Дополняет это положение мысль Е.А. Стеценко, считающей, что одним из главных «факторов американского национального опыта», а также формой «поисков личной и национальной идентичности» всегда было путешествие⁴. С другой стороны, одной из основ американского существования было то, что Т. Вулф, рассуждая в свое время о сложностях писательского труда, определил как некую тщету самой жизни в Америке, некое бесплодие духа, некое скучное мещанство, враждебное творчеству⁵, а первый нобелевский лауреат из США С. Льюис выразительно продемонстрировал в «Главной улице» и «Бэббите». Поэтому желание уйти от посредственности, ощутить себя личностью, проявляя свою храбрость, влекло творческую молодежь на передовую. Как отмечал А. Кейзин, эта война вошла в плоть и кровь всех будущих писателей-участников военных событий, считавших ее (войну) «величайшим приключением своего поколения»⁶.

У. Фолкнер утверждал, что Первая мировая война не могла не обострить восприимчивости человеческих чувств⁷. Однако события 1914-1918 гг. стали стимулом и для осмысления действительной значимости происходящего для понимания того, насколько военные реалии отличаются от романтически абстрактных представлений и каковы могут быть долгосрочные последствия военного противостояния 1914-1918 гг.

Итак, Джон Дос Пассос – одна из самых ярких звезд на литературном небосклоне США. Влияние его на литературный процесс, на умонастроения американской художественной интеллигенции трудно переоценить. Новатор литературной формы, стремившийся стать историком своего времени, он, по мнению Э. Хемингуэя, обладал честностью в сочетании с «энергией и изобретательностью настоящего писателя-творца» и, с его точки зрения, был единственным писателем первых десятилетий XX века, который смог, благодаря своей наблюдательности, обширной культуре и страстности изложения, показать европейцам подлинную Америку⁸.

Дос Пассос был одним из тех людей, кто внес серьезный вклад в формирование культуры США XX века. Его эстетика была напрямую связана с современной ему социально-политической ситуацией. Он дал широкую панораму общественной жизни страны, ставшей наполнением его художественных хроник⁹. Свой метод построения произведения Дос Пассос впоследствии определял так: «Художник должен фиксировать течение жизни так же, как фиксирует его художественный фильм. Путем контраста, противопоставления, монтажа он мог бы привнести драматизм в свое повествование. Однажды

на меня произвел впечатление фильм Эйзенштейна... Монтаж для него был основой»¹⁰.

Идейно-эстетический, творческий путь писателя сложен. На рубеже 20-30-х годов Дос Пассос – левый радикал, оказавший, как писал Г. Хикс, своими произведениями и активной общественной деятельностью самое сильное воздействие на «полевание интеллектуалов»¹¹. Затем происходит эволюция взглядов писателя в сторону либерализма, а в последние десятилетия жизни, после Второй мировой войны, Джон Дос Пассос стал определенным консерватором в общественно-политических воззрениях.

Отечественные историки до сих пор уделяют не много внимания идейному содержанию творчества Дос Пассоса, его месту в истории американской общественной мысли, в отличие от литературоведов, которые неоднократно и небезуспешно приступали к анализу художественных достоинств и недостатков его сочинений, пытались выявить, правда, в общем виде, социально-политический смысл его деятельности. Причем на протяжении 30-80-х годов XX в. оценки колебались от восторженных до весьма пренебрежительных, когда, исходя из явного политического конформизма писателя в 50-60-е годы, советские авторы начиная с этого периода вольно или невольно зачеркивали его достижения предшествующих лет, а подчас либо вскользь упоминали его имя, либо, отдавая дань литературной ценности его произведений, сетовали по поводу того, что он порвал с прогрессивным движением¹².

В этом ряду наиболее значительный интерес представляет уже достаточно давняя монография А.М. Зверева, который старался в одной из глав всесторонне подойти к изучению взглядов американского писателя, хотя главное внимание уделял разбору особенностей и значению его художественных произведений, называя его «мечущимся между ощущением опустошенности и порывами к переустройству общества», считая это типичным для литературы «потерянного поколения»¹³. Попытка объективного анализа места и значения Дос Пассоса не только как писателя-экспериментатора, но и как деятеля культуры с определенной идейной и гражданской позицией можно обнаружить на нескольких страницах «Истории США» (т.3)¹⁴, но и здесь преобладают критические оценки. В 90-е годы XX в. ситуация изменилась, и российские историки литературы, всячески оправдывая его уход с леворадикальных позиций в 30-е годы, стали вновь подчеркивать достоинства произведений Дос Пассоса как писателя-гуманиста, который не только запечатлел общество в его историческом движении, но и анализировал преподноси-

мые ему уроки жизни, придерживаясь независимого образа мыслей и действий¹⁵.

Американские историки литературы на протяжении последних десятилетий XX в., как правило, высоко оценивая художественные достоинства трилогии «США», с удовольствием отмечали возвращение писателя в лоно традиционных буржуазных, «истинно американских» ценностей в 30-е гг., специально подчеркивая недолговечность его увлечения социалистическими идеями, его аполитичность и даже открытую оппозицию деятельности Коммунистической партии США с конца 30-х годов и до последних дней жизни¹⁶. Как констатировал еще в 60-е гг. XX в. Ф.В. Бордман, «Дос Пассос никогда не вступал в Коммунистическую партию, хотя он был одним из ее ведущих «попутчиков» в среде известных (important) литераторов до тех пор, пока не разочаровался... в «неинтеллигентном фанатизме коммунистов»¹⁷.

Наивысший расцвет творчества Дос Пассоса приходится на конец 20-х-первую половину 30-х годов, когда была написана и вышла в свет трилогия «США», сделавшая его знаменитым и открывшая ему двери в Американскую академию литературы и искусства, куда его приняли в 1937 г. Ничего равнозначного этому сочинению не появилось больше из-под пера Дос Пассоса; можно сказать, он оставался в истории литературы США писателем 20-30-х годов, хотя прожил еще около 40 лет, продолжая публиковать романы, книги очерков и исторические труды.

Интересно, что некоторые американские историки объясняют постепенное снижение художественных достоинств его сочинений, падение их популярности нарастанием схематизма, излишней социологизацией¹⁸.

Представляется, это происходило потому, что поскольку дух времени определенной эпохи, жизненные реалии, магистральные линии общественной борьбы служили наполнением его художественных хроник, то постепенное разочарование в идеалах молодости с неизбежностью вело к ослаблению творческой энергии.

Как подчеркивал издатель писем и дневников писателя Т. Ладдингтон, его жизнь – это «литературная и идеологическая Одиссея», выросшая из разнородных, подчас противоречивых элементов¹⁹.

В связи с этим можно обозначить духовные искания Дос Пассоса, приведшие его сначала в стан леворадикалов, а во второй половине 30-х гг. заставившие вынужденно принять альтернативу Нового курса, как поиски социального идеала. И начало этой «Одиссеи» положила Первая мировая война.

Блестящий выпускник Гарварда 1916 года,

увлекавшийся искусством и архитектурой, Джон Дос Пассос в 21 год отправился водителем санитарной машины в зону боевых действий сначала во Францию, а затем в Италию, формально демобилизовавшись в 1919 г. К моменту его прибытия на фронт затяжной характер боевых действий, огромные жертвы, бесперспективность военных операций определили удивительно «негероический» облик войны, когда стали относительными сами понятия «победа» и «поражение». Вспоминая весну 1917 года, Дос Пассос, говоря от имени своего поколения, писал: «Мы были убеждены, что вступление Америки в войну лишь продлит бесполезную бойню»²⁰. Военная «Одиссея» не только укрепила его пацифистский настрой, изначально основанный на традиционно изоляционистских представлениях, но как заметил один из обстоятельных биографов писателя М. Лэндсберг: «Война сделала Дос Пассоса противником капитализма»²¹. И не только его. Очевидно, что, в особенности с 1917 года, происходило оживление радикальных настроений среди интеллектуально-творческих кругов американского общества, не понаслышке узнавших, что такое война. А Октябрьская революция в России воспринималась как провозвестие нового мирного будущего.

«Во всей Европе поднимающиеся массы должны были отказаться от того, чтобы их вели на бойню. В России революция положила конец войне. Занималась алая заря мира, свободы и справедливости», – утверждал Дос Пассос²².

Будучи на войне, он узнал статьи Ю. Дебса, прочел Д. Рида, с которым познакомился еще в Гарварде. Впоследствии писатель заявлял, что марксизм для тогдашних молодых был сродни новому Евангелию, был как бы выражением новой религии²³.

Вообще в это время приверженность социалистическим взглядам становилась своего рода поветрием. Дос Пассос писал об этом так: «Весной 1917 года некоторые так же легко становились социалистами, как заражались гриппом»²⁴ (а в это время начиналась эпидемия так называемой испанки, унесшей в 1918-1919 гг. неисчислимое число человеческих жизней). Собственно говоря, так «заразился» и сам будущий писатель. «Вдруг я уверовал в то, что стал социалистом», – вспоминал он²⁵. Этой веры оказалось достаточно, чтобы через несколько лет интерес к новым, революционным формам литературы и театра привел его в редакцию леворадикального журнала «Нью Мессиз» и газету американских коммунистов «Дейли Уоркер», подтолкнул к организации вместе с Д.Г. Лоусоном и М. Голдом «Театра новых драматургов», а длительные путешествия по странам Европы и

Азии завершились поездкой в СССР осенью 1928 г. Поездка оставила сильные и разноплановые впечатления, нашедшие отражения в журнальных публикациях и книге очерков «Путешествие между двумя войнами», ряде других воспоминаний.

Причины посещения СССР Дос Пассос объяснял, во-первых, интересом к новому революционному искусству, главным образом к театру, во-вторых, и это представляется особенно важным, желанием «изучить социалистическое общество, которое могло бы стать альтернативой капиталистической системе, несправедливо приговорившей Сакко и Ванцетти»²⁶.

Посетив Ленинград, Москву, проплыв по Волге до Астрахани, побывав с экспедицией Наркомпроса в некоторых районах Кавказа и Закавказья, он общался с выдающимися представителями советской культуры – Таировым, Эйзенштейном, Луначарским, Фадеевым, Чуковским, со множеством рядовых советских граждан. Главной чертой его творчества всегда было стремление к объективности, максимальное приближение к документальной, подлинной основе событий. Поэтому в оценках увиденного он был доброжелателен и вместе с тем пессимистично осторожен.

Он утверждал, что невозможно судить о стране, не постигнув ее изнутри. Жизнь в СССР воспринималась им в контексте «кровавой борьбы на границе дня вчерашнего и дня завтрашнего». С одной стороны, он критически, с юмором пишет о буржуазных корреспондентах, в любой информации ищущих «пропаганду», подмечает динамизм нашего бытия, процесс становления новых его форм. Невозможность включиться в эту общую «работу», за которой он вынужден лишь наблюдать, приводит Дос Пассоса даже к сомнениям в реальной значимости журналистского и писательского труда. Он сожалеет, что не был в Советской России в годы Революции, не видел В.И. Ленина, которого безгранично уважал; Ленинград 1928 года видится ему «кратером потухшего вулкана»²⁷.

Да, Дос Пассос ожидал увидеть в СССР нечто иное, чем с трудом выбравшееся из гражданской войны, полное энтузиазма и противоречий, нищеты и надежд общество.

Что особенно увлекало его в СССР? Тот самый «гигантский эксперимент» по разрушению старых порядков. События в России изначально представлялись созвучными динамичному, экспериментаторскому духу американцев. Более того, именно в Советской России (а затем в СССР), полагали вместе с Дос Пассосом многие молодые творческие умы, реально создавались основы нового лучшего общества, отлич-

ного от всех прежних форм. Каким же хотелось видеть писателю новое, отличное от капиталистического общество?

Прежде всего – общество «полной свободы», а сущность социализма для него была равнозначна «воспитательной и созидательной тенденции», не имеющей отношения к политике²⁸.

Дос Пассос всегда судил о происходящем под углом зрения противоборства сил диктатуры и свободы, что было очевидно уже в первой повести «Посвящение одного молодого человека» (1917), воплотившей опыт Первой мировой войны и ставшей прообразом романа «Три солдата», в котором отчетливо прозвучала тема защиты человеческой личности от подавления и насилия.

Итогом его впечатлений от посещения нашей страны было: «Мне нравились русские люди, я восхищался ими. Я восхищался их обширной и разнообразной страной, но когда на следующее утро я пересек польскую границу – Польша не была коммунистической, - мне показалось, что я вышел из заключения», а прощаясь на вокзале с многочисленными провожатыми, Дос Пассос на вопрос: «Вы с нами?» ответить не смог²⁹. Впоследствии он в конце концов пришел к мысли, что социализм есть новая и худшая, чем капитализм, форма эксплуатации, совершенно не оставлявшая места для свободы личности³⁰.

Итак, обнаружить «прекрасный новый мир» не удалось. Уже в конце 20-х гг. Дос Пассос увидел в СССР явные признаки давления государственной машины на человека.

Участие в Первой мировой войне, стимулировавшее идейную эволюцию писателя с целью найти черты более гуманного и справедливого, открытого для независимого творчества общества в послевоенном мире, в результате привело писателя к новому взгляду на ситуацию в собственной стране. В условиях мирового экономического кризиса и усиления тоталитарных тенденций в Европе, чреватых международными конфликтами, провозвестником которых стала гражданская война в Испании, вынужденным итогом духовных исканий для Дос Пассоса стала поддержка – с середины 30-х гг. – Нового курса Ф. Рузвельта. Курс администрации Рузвельта виделся в целом далеким от идеала, но представлял некую альтернативу традиционной капиталистической системе.

Можно сказать, что такой итог был типичным для многих разочаровавшихся радикалов 20-х годов – к примеру Г. Хикса, Э. Уилсона, М. Каули и др., начавших свою идейную эволюцию с «социализма чувства» и закончивших традиционным либерализмом, с трудом воспринимавшим идею сильного социально-ответственного государства, но покорявшимся неизбежному.

Начало самостоятельного жизненного и творческого пути Эрнеста Хемингуэя также неразрывно связано с Первой мировой войной. Этот человек-легенда, блестяще заявивший о себе как писатель в 20-е годы, создатель оригинального, породившего множество подражателей литературного стиля³¹, прожил яркую, насыщенную событиями жизнь, объездив полмира, в т.ч. как корреспондент различных газет и информационных агентств. Боксер, охотник и рыболов, поклонник испанской корриды, Хемингуэй всегда находился в эпицентре политических событий эпохи, увенчав свою писательскую карьеру получением Нобелевской премии в 1954 г.

Он был необыкновенно популярен при жизни как писатель и человек, когда, казалось, перипетии судеб героев его произведений совпадали с личностью самого автора. Международное признание пришло к нему, когда ему не было и тридцати. Известный американский историк литературы М. Гайсмар писал о том, как обладавшая великолепным литературным вкусом и чутьем Гертруда Стайн еще в самом начале творческого пути Э. Хемингуэя заметила, что у него больше таланта, чем у всех остальных из «потерянного поколения» вместе взятых³². И Нобелевская премия 1954 года стала ему достойной наградой.

В Соединенных Штатах творчество писателя в последние десятилетия XX века находилось по большей части вне поля зрения критиков. Возможно, в этом определенную роль сыграло то обстоятельство, что личная переписка Э. Хемингуэя в соответствии с волей писателя долгие годы не издавалась, и, лишь фактически нарушив эту волю, последняя жена Э. Хемингуэя Мери Уэлш разрешила опубликовать часть его писем в начале 80-х гг.³³ Хотя при жизни и вскоре после трагической смерти писателя он не был обойден исключительно благожелательным вниманием ни хорошо знавших его собратьев по перу, ни критиков³⁴. Конечно, главной причиной такого умолчания была, возможно, его некая «ангажированность», слишком большая связь с социально-политическими реалиями своего времени, что в современной, по-видимости «мультикультурной», политкорректной и демонстративно консенсусной Америке выглядело архаичным и неинтересным. Однако в последние годы наметились отрядные изменения. В этой связи хотелось бы отметить публикацию «Италия Хемингуэя»³⁵, собравшую под одной обложкой восемнадцать хорошо документированных очерков, характеризующих ту особую роль, которую сыграла Италия в жизни и творчестве писателя.

В нашей стране Хемингуэй пользовался особой любовью, в частности в период расцвета так называемого бардовского движения 60-х гг., воз-

никшего как одно из идейно-художественных следствий «оттепели». Молодежь в поисках свежего воздуха в прямом и переносном смысле, увлеченная поездками «за туманом и за запахом тайги», видела в далеком и, конечно, малоизвестном по существу американском писателе своего кумира, до последнего дыхания неукоснительно следующего кодексу чести в противостоянии жизненным тяготам и опасностям, пусть даже погибающего, но не сдающегося.

А отечественные критики были неизменно благожелательны, подчеркивая бескомпромиссно выраженное писателем неприятие фашизма, защиту интересов простых людей, характеризуя его как человека, убежденного в своей правоте, ориентирующегося в своем писательском труде на лучшие образцы мировой – и особенно русской литературы в лице Л.Н. Толстого³⁶. На русском языке Хемингуэй издавался неоднократно, в том числе собраниями сочинений 1968 и 1988 гг., и продолжает издаваться в наши дни. Издавалось не все. И даже кое-что изымалось из текста, как, например, страницы, весьма отрицательно характеризующие известного коммунистического деятеля 30-х гг. А. Марти в романе «По ком звонит колокол». Но в общем объеме изданного это составляет незначительную часть.

Сегодня интерес к личности и творчеству Э. Хемингуэя несколько снизился. Хотя, безусловно, положительным является публикация избранных материалов «Хемингуэй в воспоминаниях современников» в 1994 г.³⁷

Одной из причин такого положения, думается, стало то, что все творчество Э. Хемингуэя тематически и философски было теснейшим образом связано с эпохой между двумя войнами, с событиями этих войн, с идейно-политическим климатом этого периода, а сегодня многие политические реалии того времени ушли в прошлое, мало известны современному читателю, а происходившее в романах и рассказах писателя некоторым – как когда-то в США – кажется слишком однозначно политизированным, а оценки чересчур прямолинейными.

Очевидно, что общественно-политические взгляды писателя, столь ясно выраженные на первый взгляд в его произведениях, изучены в нашей стране недостаточно, а это необходимо для исследования различных сторон общественного сознания США, особенно эпохи первых десятилетий XX в.

Известно, что Первая мировая война вошла в жизнь Хемингуэя в раннем юношеском возрасте. Как отмечал его брат Листер, после окончания школы Эрнест больше всего мечтал отправиться на войну. Отец был резко против, однако будущий писатель «жаждал приобрести опыт и

свободу» и, уехав в Канзас-Сити, устроился с помощью своего дяди в газету «Стар». Уже тогда он дал понять родственникам, что «твердо решил писать и категорически не хочет получать высшее образование»³⁸. Со временем отец смягчился, но Э. Хемингуэй, имевший с детства проблемы со зрением, в феврале 1918 г. выяснил, что в американские экспедиционные войска ему не попасть. Поэтому он решил, что полевая служба американского Красного Креста даст ему наилучшую возможность увидеть боевые действия, и записался в отделение Красного Креста, действовавшее на итальянском фронте.

Итак, начинающий журналист на Первую мировую войну отправился добровольцем. Особенности характера будущего писателя, склонность к драматизации, неуемная фантазия, желание во всем быть первым многократно усиливали его стремление на передовую. Впечатления от пребывания на австро-итальянском фронте остались у Хемингуэя яркими и определенными, тем более что он получил серьезное осколочное ранение, ставшее для него настоящим «знаком доблести». «Наверное, никто из нынешних писателей, – утверждал М. Гайсар, – не развертывал перед своим читателем столько невыносимо ярких картин и образов человеческих характеров в условиях войны. В известном смысле, Хемингуэй был создан для войны»³⁹.

Вот его письмо из миланского госпиталя от 18 августа 1918 г.: «Знаете, говорят, в этой войне нет ничего смешного. И это так. Не скажу, что война – это ад, очень уж заездили эти слова со времен генерала Шермана, но раз восемь я бы предпочел угодить в преисподнюю. Может стать, там не так скверно, как на этой войне. Например, в окопах, когда во время атаки в группу людей, среди которых стоишь и ты, прямым попаданием угодил снаряд. Снаряды не так уж страшны, если нет прямого попадания. Конечно, может задеть осколок. Но при прямом попадании на тебя градом сыплются останки товарищей»⁴⁰. Такое отношение к войне в художественной форме нашло воплощение в романе «Прощай, оружие» (1929 г.), где показан ужасающе-разрушительный, в том числе и для человеческих взаимоотношений, характер мирового конфликта. Впоследствии в предисловии к антологии «Люди на войне» (1942 г.) писатель утверждал: «Прошлая война была величайшей, безжалостнейшей и бездарнейшей бойней в истории. И если кто-то скажет о ней иначе, он просто лгун»⁴¹.

Итак, в этой войне нет правых и виноватых, это просто кровавая бойня. Можно с уверенностью сказать, что Э. Хемингуэй, также как Дос Пассос, вышел из нее убежденным пацифистом. Сближало Хемингуэя с Дос Пассосом и отрица-

тельное отношение к официальному вступлению США в войну. Даже в 1935 г. в «Заметках о будущей войне», опубликованных в сентябрьском номере журнала «Эсквайр», он полагал, что в случае начала общеевропейской войны надо стремиться к тому, чтобы США не были вовлечены в нее. «Но мерзкую кашу, которую заваривала Европа, нам не стоит расхлебывать. Европа всегда воевала, передышки – это только время заключения перемирий. Мы уже однажды свалили дурака и ввязались в европейскую войну, и нам не следует этого больше повторять»⁴².

Не выглядит ли это неким противоречием, когда человек добровольно отправляется на войну, при этом полагая, что его собственное государство воевать не должно? Этот же вопрос можно было задать и в отношении Дос Пассоса. Хемингуэй, отвечая за обоих, пояснял свою позицию так: он сражался «ради прекращения войны вообще»⁴³. Любая война имеет несколько измерений – политическое, военное, международное и человеческое. Для Хемингуэя важнейшим всегда оставалось человеческое измерение, т.е. помощь страдающим от бездарности, легковерия, жадности и эгоизма политиков простым людям.

Дос Пассос утверждал, что Хемингуэй смелоду был «одним из самых пронизательных разоблачителей политических амбиций»⁴⁴. Можно сказать, что война 1914–1918 гг. сформировала и укрепила его радикально-критический настрой в русле всеобщих ожиданий революционного обновления мира. В 30-е годы он вспоминал, что «...непосредственно после войны мир был гораздо ближе к революции, чем теперь. В те дни мы, верившие в нее, ждали ее с часу на час, призывали ее, возлагали на нее надежды»⁴⁵. Хемингуэй никогда не говорил о себе как о социалисте или коммунисте, скорее, коммунисты хотели сделать его своим⁴⁶, а некоторые бывшие «попутчики» даже упрекали его в 30-е гг. в «сталинизме», критикуя взаимодействие Хемингуэя с прокоммунистической Лигой американских писателей и радуясь, что впоследствии писатель от «сталинизма» отказался⁴⁷.

После войны 1914–1918 гг. Э. Хемингуэй в большей степени интересовался европейскими делами, чем событиями в нашей стране, и о происходящих в СССР событиях в 20–30-е гг. знал, конечно, не из первых уст. При этом надо иметь в виду, что не только войну, но и любые социально-политические теории Хемингуэй рассматривал в человеческом измерении, считая, что среди коммунистов, к примеру, есть люди хорошие и плохие, и весьма скептически относился к коммунистическим «проповедям». В 1932 году он писал Дос Пассосу: «Я полагаю, что я анархист – но требуется немало усилий, чтобы понять это... Я не

верю в сильное правительство, вне зависимости от того, к каким результатам оно приводит. К черту церковь, когда она становится государством, и к черту государство, когда оно становится церковью. К тому же очень может быть, что разрушение важнее созидания»⁴⁸.

Защита индивидуальности, свободного волеизъявления, противостояние любому давлению – всегда были главными в его жизни и творчестве. Поэтому он рассматривал фашизм прежде всего как худшую форму угнетения человеческой личности. К концу 30-х гг. от его изоляционистской позиции не осталось и следа. Писатель с восхищением говорил и писал о той исключительной роли, которую сыграл в борьбе с фашизмом Советский Союз, прежде всего его люди.

В его письмах к К. Симонову, частично опубликованных в нашей стране в годы войны, а частично – уже после кончины американского писателя, неоднократно даются высочайшие оценки героизму и мужеству советского народа и выражается сожаление, что ему не удалось поехать вместе с советскими войсками. Лучшим доказательством такого отношения к нашей стране и к той выдающейся роли, которую она сыграла в разгроме фашизма, может служить новогоднее поздравление Э. Хемингуэя советскому народу, опубликованное в газете «Правда» 3 января 1943 г.: «Вы спасли мир от сил варварства в 1942 г., оказывая сопротивление одни, почти без помощи... Каждый способный мужчина в Америке будет работать и сражаться вместе с рабочими и крестьянами Советского Союза за наше общее дело – полное уничтожение фашизма во всем мире и обеспечение свободы, мира и справедливости для всех людей»⁴⁹. Несмотря на то, что это письмо носило официальный характер, в искренности его не приходится сомневаться.

И здесь хочется заметить следующее. Э. Хемингуэй всегда считал, что для простых людей всего мира нет преград в достижении взаимопонимания, люди изначально настроены дружелюбно друг к другу. И, конечно, войны развязывают не народы. Это вина своекорыстных политиков, простым же людям нужны мир, спокойствие, любовь, они достойны сострадания, достойны защиты.

Итак, Первая мировая война стала важным фактором интеллектуального и творческого развития двух выдающихся представителей американского литературно-интеллектуального мира – Джона Дос Пассоса и Эрнеста Хемингуэя. Война обозначила их активную жизненную позицию в последующие десятилетия. Представляется, что подход Дос Пассоса к оценке различных социальных явлений и ситуаций оказался более политизированным, и это обусловило резкие изменения в этих оценках. Хемингуэя война не

сделала увлеченным политиком радикалом, его интерес к «человеческой» стороне, даже в борьбе «за» и «против», всегда был преобладающим. Как заметил А. Кейзин: «Он был совершенно свободным человеком»⁵⁰. Такая позиция кажется гораздо более продуктивной для достижения взаимопонимания разных народов, взаимодействия различных культур и цивилизаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: H.L. Mencken's "Smart Set" criticism". Ithaca (New York), 1968. P.3, P.129; Idem. Minority report. H.L. Mencken's Notebooks. New York, 1940. P.28-30. Менкен был одним из первых, употребивших слово «интеллигенция» для определения слоя людей, имеющих не только образование, но и сознающих свою моральную ответственность перед обществом.
- 2 См. напр.: Morrison S.E. the Oxford History of the American People in 3 vls. New York, 1994. V.3. P.220, 251, etc.
- 3 Гачев Г. Эрос угадывания Америки // Воображаемое прошлое Америки. Материалы III летней школы американистики в МГУ им. М.В. Ломоносова. 21-23 июня 2000 г. М., 2001. С.39.
- 4 Стеценко Е.А. История, написанная в пути... М., 1999. С.15,16.
- 5 Вулф Т. Жажда творчества. М., 1989. С.87.
- 6 Фолкнер У. Статьи, речи, интервью, письма. М., 1985. С.150.
- 7 Kazin A. An American Procession. New York, 1984.
- 8 In: Wagner L. Dos Passos. Artist as American. Austin & London, University of Texas Press, 1979. P.179, 193.
- 9 American Literary History. Winter 1989. P.878.
- 10 Dos Passos J. What Makes a Novelist // National Review. 1968. V.20. January 16. P.31.
- 11 In: Dos Passos J. The Fourteenth Chronicle. Boston, 1973. P.382.
- 12 См.: Старцев А.И. Джон Дос Пассос. М., 1934; Засурский Я.Н. Американская литература XX века. М., 1966; Самарин Р.М. Великая Октябрьская социалистическая революция и мировая литература. М., 1970; История американской литературы. М., 1967. Т.2; Литература США XX в. Опыт типологического исследования. М., 1978; и др.
- 13 Зверев А.М. Американский роман 20-30-х гг. М., 1982. С.166-204.
- 14 См.: История США: в 4 т. М., 1985. Т.3. С.513, 516; и др.
- 15 См.: Гиленсон Б.А. Джон Дос Пассос: эволюция политической философии // Американское общество на пороге XXI века: итоги, проблемы, перспективы: материалы научной конференции. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова. 31 января-3 февраля 1995 г. М.: Изд-во МГУ, 1996. С.175-179.
- 16 Библиография трудов до начала 80-х гг. XX в., содержится в реферативном сборнике: John Dos Passos. A Reference Guide / Ed. by John Rohr Kemper. Boston, 1980. См. также: Carr W.S. Dos Passos. A Life. New York, 1984. P.357-411.
- 17 Boardman W. The Thirties. America and the Great Depression. New York, 1967. P.41.
- 18 E.g. Wagner L. Op. cit. P. XXI; Weeks R.P. John Dos Passos number // Modern fiction studies. Autumn 1980. V.26, №3. P.520-521.
- 19 Luddington T. John Dos Passos. A Twentieth Century Odyssey. New York, 1989. P. XVII.
- 20 Dos Passos J. The Best Times. An Informal Memoir. New

- York, 1966. P.45.
- ²¹ *Landsberg M.* Dos Passos Path to USA. A Political Biography. 1912-1936. Boulder, 1972. P.160.
- ²² *Dos Passos J.* The Best Times... P.46; Также об этом: *Idem.* The Ground We Stand On. New York, 1941. P.11-12; *Idem.* Occasions & Protests. Chicago, 1964. P.5.
- ²³ *Idem.* The Ground We Stand On. P.5.
- ²⁴ *Idem.* The Best times. P.46.
- ²⁵ *Idem.* P.11, 132.
- ²⁶ *Idem.* The Fourteenth Chronicle. P.185.
- ²⁷ *Idem.* Journeys between Wars. New York, 1938. P.211, 232-233, 238.
- ²⁸ См. письмо к Э. Уилсону: *Dos Passos J.* The Fourteenth Chronicle. P.459.
- ²⁹ *Dos Passos J.* Journeys between Wars. P.399.
- ³⁰ *Idem.* The Fourteenth Chronicle. P.589; *Idem.* Occasions & Protests. P.241, 289.
- ³¹ «Мужественная простота» – так характеризует его стиль *Б. Гиленсон.* История США: в 4 т. Т.3. С.426.
- ³² Литературная история США. Т.3. С.426.
- ³³ *Hemingway E.* Selected Letters. 1917-1961. New York, 1984.
- ³⁴ См., например, статью Э.В Бергама 1938 г. в “New Masses”, статью «Э. Хемингуэй» Р.П. Уоррена 1949 г., напечатанную в качестве предисловия нью-йоркскому изданию романа «Прощай, оружие», доклад Ю. Боргена «Хемингуэй» 1958 г.; и др.
- ³⁵ Hemingway’s Italy. New Perspectives / Ed. by Rona Sanderson. Louisiana State University Press, 2006.
- ³⁶ См., напр.: *Кашкин И.* Эрнест Хемингуэй. М., 1966; *Старцев А.И.* От Уитмена до Хемингуэя. М., 1972; *Людский Ю.Я.* Творчество Э. Хемингуэя. Киев, 1973; *Зверев А.М.* Указ. соч.; *Он же.* Дворец на острие иглы. М., 1989. С.42-64; *Финкельштейн И.* Предисловие // Hemingway E. Selected Stories. Moscow, 1971. С.5-24, а также: История США. Т.3. С.520-521; Писатели США. Энциклопедический справочник. М., 1990. С.550-555.
- ³⁷ Хемингуэй в воспоминаниях современников. М., 1994. Предыдущие публикации такого рода немногочисленны. Среди них можно назвать подборку его публицистики, изданную под названием «Старый газетчик пишет». М., 1983, и книжечку писем, составленную В. Погостиным на основе американского издания К. Бейкера «... Оставаться самим собой...». Избранные письма (1918-1961). М., 1983.
- ³⁸ Хемингуэй в воспоминаниях современников. С.38.
- ³⁹ Цит. по: Литературная история США. Т.3. С.426. Дос Пассос писал: “У Хемингуэя необычно острый взгляд. [Это была] холодная острота «взгляда охотника»”. *Dos Passos J.* The Best Times. P.143.
- ⁴⁰ *Хемингуэй Э.* ...Оставаться самим собой... С.7.
- ⁴¹ *Он же.* Старый газетчик пишет. С.161.
- ⁴² Там же. С. 66.
- ⁴³ Там же. С. 159.
- ⁴⁴ *Dos Passos J.* The Best Times. P.141.
- ⁴⁵ *Хемингуэй Э.* Старый газетчик пишет. С.55.
- ⁴⁶ *New Masses, An Antology.* P.275-281.
- ⁴⁷ См.: *Wilson E.* The Wound and the Bow. New York, 1965. P.185-189.
- ⁴⁸ *Dos Passos J.* The Fourteenth Chronicle. P.165-166.
- ⁴⁹ *Хемингуэй Э.* Старый газетчик пишет. С.165-166.
- ⁵⁰ *Kazin A.* An American Procession. P.358.

JOHN DOS PASSOS'S AND E. HEMINGWAY'S THOUGHTS AND ACCOUNTS OF THE FIRST WORLD WAR AND SOVIET RUSSIA (USSR)

© 2012 S.M. Nikolaeva

Samara State University

This article is dedicated to the influence of the First World War on the two leading US writers of the first half of the twentieth century. It concerns their views on the essence and the results of War, on contradictory «soviet experiment» and the role of the soviet people struggling fascism.

Key words: war, volunteers, massacre, socialism, revolution, society, pacifism.